

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности.....	4
От автора.....	5
Часть первая. 1878–1914 годы. Шаги Командора	7
Часть вторая. 1914 год. Победы не приносят победы.....	134
Часть третья. 1915 год. Поиски слабого звена	246
Часть четвертая. 1916 год. Битва на истощение	369
Часть пятая. 1917 год. Россия: поверженный гигант	449
Послесловие	555
Библиография.....	569

БЛАГОДАРНОСТИ

Средства на издание этой книги были собраны на сайте *Planeta.ru* (<http://planeta.ru/campaigns/15556>)

Я искренне признателен всем, без кого эта книга не могла бы увидеть свет, и лично:

Голубев Михаил Валентинович (Москва)
Каленкович Алексей (Москва)
Бобрышев Дмитрий Викторович (Ставрополь)
Богданов Вадим (Москва)
Вашкелите Илона Владимировна (Санкт-Петербург)
Вертель Генрих (пос. Мельниково, Калининградская область)
Григорьев Петр Олегович (Москва)
Данилова Ирина Владимировна (Санкт-Петербург)
Згажельская Наталья Андреевна (Калуга)
Казанцев Кирилл (Москва)
Кайгородов Дмитрий Алексеевич (Москва)
Музалёв Роман (Апатиты)
Новичков Петр Владимирович (Москва)
Поникаровская Елена Сергеевна (Санкт-Петербург)
Рубаненко Дмитрий (Москва)
Сабиров Артур Мунирович (Санкт-Петербург)
Шершенков Сергей Юрьевич (Москва)

ОТ АВТОРА

Едва ли нужно подробно останавливаться на значении Первой мировой войны в европейской и российской истории. Это была политическая и культурно-духовная катастрофа цивилизованного мира, которая обусловила всю дальнейшую историю XX столетия. Она похоронила надежды на возможность бесконфликтного поступательного прогресса человечества. Сочетание исторической неотвратимости и психологической внезапности мировой катастрофы стало главным потрясением для ее современников и важнейшим уроком для политической элиты ведущих мировых держав второй половины XX века.

Как известно, именно изучение истоков Первой мировой войны удержало президента Кеннеди от эскалации конфликта во время «Карибского кризиса» 1961–1962 годов. Он чрезвычайно ценил Барбару Такман и ее «Августовские пушки».

В наше время, когда политики и журналисты все чаще поговаривают о неизбежности Третьей мировой войны, исторический опыт также может помочь нам всем не переступить ту черту, когда катастрофа становится неизбежной.

Вместе с тем никто не будет спорить, что в нашей стране Первая мировая – это воистину Забытая война. Если на Западе память о ней увековечена в тысячахobelisks, мемориалов, книг, фильмов, то у нас имеется всего несколько памятников на всю страну.

Еще хуже дело обстоит с образным восприятием этой войны. Скажем, образы Великой Отечественной знакомы нам с детства – силуэт Т-34, Знамя Победы, изрешеченный снарядами и пулями Рейхстаг, «Вставай, страны огромная» и т.д. А что всплывает в памяти при словах «Первая мировая война»? Скорее уж Ремарк с его знаменитым романом. Огромный, тысячеверстный Восточный (русско-германский и русско-австрийский) фронт до сих пор словно погружен в небытие.

Я ставил перед собой задачу создать запоминающийся образ этой практически неизвестной у нас войны.

Сергей Цветков

Часть первая.

1878–1914 годы.

ШАГИ КОМАНДОРА

I

В течение XIX столетия Европа сделала самые размашистые шаги в своей истории на пути цивилизации и прогресса.

Повседневная жизнь большинства людей за это время претерпела невероятные изменения. Европейец, родившийся, скажем, в 1815 году и доживший до 1900 года, сходил в могилу с ощущением того, что прожил свой век в двух разных мирах.

В дни его юности путешественник, отправлявшийся с почтовым дилижансом на сравнительно небольшое расстояние, – например, из Бремена в Лейпциг (около 300 км), – прибывал в пункт назначения к вечеру четвертого дня, чувствуя себя совершенно разбитым. Поиски гостиницы оборачивались неприятными блужданиями в кромешной тьме городских улиц, лишь кое-где слабо освещенных тусклым светом коптящего фонаря. Обретя, наконец, ночлег, он поднимался к себе в номер и пытался зажечь сальную свечу при помощи кремня. Когда ему это удавалось, руки его обыкновенно бывали изранены. Если он хотел отослать письмо или, наоборот, ожидал корреспонденции, то ему приходилось задержаться в гостинице на несколько дней, потому что почтовая карета приходила в Лейпциг лишь дважды в неделю¹. Примерно так же европейцы жили и путешествовали в предыдущие столетия – во времена «короля-солнце» или Реформации.

Но буквально за несколько десятилетий пространство и время стремительно сжались. Человека окружили вещи, в которых словно воплотились укрощенные силы природы – телефон, телеграф, двигатель внутреннего сгорания, различные электротовары и т. п.

Благодаря железным дорогам и пароходам появилась возможность «добраться до Вавилона и вернуться назад засветло», как пелось в одной английской детской песенке. Если в начале века число путешественников в Германии, Франции и Англии не превышало двух с половиной миллионов, то в 1891 году по дорогам этих стран перемещалось уже 614 миллионов человек. Пересечение государственных границ для частных лиц было совершенно свободным, не нужно было заполнять никаких анкет, не спрашивали даже паспорта – на границе в вагон заходили только таможенники.

Новости разносились мигом. Каждое утро газеты погружали своих читателей в море событий, происшедших накануне на разных континентах: установление французского протектората над Тунисом, провозглашение

¹ Эту образную картину начертил профессор Гофман в своем докладе, прочитанном в 1890 г. на Бременском съезде немецких естествоиспытателей. См.: М. Нордау. Вырождение. Современные французы. – М., Издательство «Республика», 1995. С. 45. Здесь и далее прим. автора.

Румынии королевством, цареубийство в России, открытие Естественно-исторического музея в Лондоне, основание Американского Красного Креста, восстание Махди в Судане...

Простой обитатель городских предместий имел теперь более широкое представление о международной политике, чем сто лет тому назад – первый министр крупного государства. Какая-нибудь гувернантка вела более интенсивную переписку, чем в прежнее время университетский профессор, а торговец средней руки устраивался в отеле с большим комфортом, чем Наполеон в Тюильри².

Использование новых строительных материалов и технологий позволило застроить города высотными зданиями и перекинуть через реки стальные арки мостов. Внедрение электрического освещения привело к тому, что для работы в четырех стенах отпала необходимость в дневном свете.

На улицах европейских столиц теперь царил несмолкаемый шум, подобный реву Ниагары. Ежеминутно по ним проносились десятки транспортных средств – нескончаемый поток омнибусов, кабриолетов, трамваев, автомобилей, трехколесных мотороллеров.

По сторонам запруженных мостовых выросли гроздья новых увеселительных заведений, над входом в которые даже ночью сияла электрическая реклама, открылись кинотеатры, появились киоски с газированной водой. Магазины и рестораны неимоверно укрупнились, став настоящими дворцами торговли и чревоугодия, кафе и чайные превратились в «дома» («corner houses», «maisons»).

Европейское общество в целом стало более обеспеченным и гуманным. Резкий демографический всплеск (только в период с 1880 по 1910 год численность населения в Австро-Венгрии выросла на 35%, в Германии на 43%, в Великобритании на 26%, в России – почти вдвое) и расширение колониальных владений привели к увеличению спроса и предложения на товары. Наихудшие условия труда и быта низших слоев населения были смягчены. Малолетние дети больше не работали на фабриках, продолжительность рабочего дня сократилась до 9–11 часов, профсоюзное движение ограничило произвол хозяев предприятий. Вопреки утверждению теории марксизма об абсолютном обнищании пролетариата³, экономическое благосостояние рабочего класса заметно улучшилось. Налаживание массового производства привело к удешевлению товаров. Теперь семья квалифицированного рабо-

² Автор позволил себе перефразировать известный пассаж Макса Нордау. См.: М. Нордау. Вырождение. С. 46.

³ Согласно Марксу, «абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления» обуславливает «накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе» (К. Маркс, Капитал, глава 23 «Всеобщий закон капиталистического накопления»).

чего могла позволить себе покупку газет, книг, мебели и других предметов бытовой обстановки, по воскресеньям у нее появилась возможность сходить не только в церковь, но в синематограф, цирк, музей, театр. Рост заработной платы был подкреплён законами о пенсионном и медицинском страховании.

Деловой мир почувствовал себя подлинным творцом истории. К берегам бирж приливали, смешиваясь, потоки различных интересов – частных и государственных. Деньги перестали быть сокровищем и стали капиталом. Волна финансовых операций залила все классы и гражданские сословия. Житель большого города мог, не выходя из своей комнаты, заказать по телефону разнообразную продукцию со всего мира или инвестировать свои сбережения в природные богатства и новые предприятия в любом уголке земного шара⁴. Бухгалтерская книга стала Библией общественного богатства.

Одна за другой возникали международные организации, призванные упорядочить отношения государств, корпораций, сообществ, уменьшить экономическую, политическую, социальную и религиозную рознь и вражду. Работоторговля и пиратство на суше и на море были официально запрещены. В девяти европейских странах принуждение к занятию проституцией стало караться в уголовном порядке. Двенадцать государств признали наркотики злом, с которым необходимо бороться совместными усилиями.

Хотя Европа и продолжала оставаться по преимуществу монархической частью света, демократические процедуры в той или иной степени были признаны обязательными и с каждым годом использовались все шире. Вкупе с введением всеобщей обязательной военной службы это означало, что история перестала быть привилегией немногих и сделалась всеобщим достоянием.

Понятие «европеец», наряду с географическим содержанием, наполнилось также и духовно-культурным, ментальным смыслом. Люди самых разных сословий – жители многомиллионных столиц и обитатели самых захолустных уголков Европы – зачитывались шедеврами Шекспира, Гёте, Бальзака, Диккенса, Толстого и Достоевского; музыкальные творения Моцарта, Бетховена, Чайковского звучали на оперных подмостках всех европейских стран. Национальные образовательные стандарты неуклонно сближались. Выпускники европейских гимназий и университетов изучали примерно одинаковый круг научных дисциплин и великих имен, благодаря чему жили одними и теми же научными и культурными интересами.

⁴ См.: Keynes John Maynard. The Economic Consequences of the Peace. New York. – Harcourt Brace and Howe. 1920.

В философии истории окончательно утвердилась идея бесконечного прогресса, ставшая своего рода религиозным исповеданием для большинства интеллектуалов и простых обывателей. Наука была признана панацеей и главным достижением человеческого гения: она удлинила жизнь, уменьшила боль и увеличила власть человека над природой, по словам Томаса Маколея (эссе о Бэконе, 1837). В ее спасительную силу начинали верить даже священники. Железные дороги, океанские лайнеры и электрический телеграф свидетельствовали о Духе Святом, утверждал духовник королевы Виктории Чарльз Кингсли. Научные открытия, изобретения, технические и социальные усовершенствования породили надежды на то, что человечество уже в ближайшем будущем способно будет решить самые насущные свои проблемы. Оптимисты предсказывали наступление «дивного нового мира»⁵, в котором, как писал Герберт Спенсер, «прогресс является не случайностью, но необходимостью», где «вещи, которые называли злом и безнравственностью, исчезнут», а «человек обязательно станет лучше». Разумеется, на каждый довод в пользу исторического прогресса находился контраргумент, но последним до поры до времени мало кто внимал.

Казалось, политическая воля государственных мужей готова положить пределы и самому разрушительному социальному злу – войне. После Ватерлоо европейские войны приняли более или менее локальный характер. Вторая половина XIX века ознаменовалась подписанием ряда соглашений, касавшихся международно-правовых норм войны. Женевская конвенция 1864 года предписала оказывать помощь раненым бойцам на поле боя, независимо от того, к какой армии они принадлежат – «своей» или вражеской. Санитарные учреждения получили неприкосновенность, было учреждено положение о Красном Кресте.

Европейцы окончательно утвердились в святой уверенности, что им суждено править миром. В 1895 году молодой Уинстон Черчилль, вернувшись с Кубы, где местные повстанцы боролись с испанскими колонизаторами, заявил, что присутствовал, вероятно, на «последней войне белых против белых». И действительно, солидарность «белой расы» была наглядно продемонстрирована в 1900 году во время Боксерского восстания в Китае, когда отряды ихэтуаней («воинов справедливости и гармонии»), вступив в Пекин, подожгли здания европейских посольств, христианские храмы и совершили убийства иностранцев. В ответ на это ведущие европейские державы – Великобритания, Германия, Франция, Италия, Австро-Венгрия, Испания и Россия, к которым присоединились Соединенные Штаты, – ввели свои войска в Китай и силой добились от китайских властей гарантий соблюдения интересов иностранных государств.

⁵ «О чудо! Сколько вижу я красивых созданий! Как прекрасен род людской! О дивный новый мир, где обитают такие люди!». Шекспир, «Буря».

24 августа 1898 года случилось нечто и вовсе неслыханное. В этот день русский император Николай II обратился ко всем странам с предложением созвать международную конференцию для установления всеобщего мира. В циркулярной ноте министра иностранных дел графа Михаила Николаевича Муравьева по этому поводу говорилось: «Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех государств».

«Великодушный почин миролюбивого государя», как именовалась инициатива Николая II в европейской прессе, произвел сильное, хотя и неоднородное впечатление. С безусловным сочувствием его встретили, пожалуй, только Берта фон Зутнер⁶ и другие лидеры пацифистов. В целом же правительства и пресса ведущих европейских держав отнеслись к идее всеобщего разоружения с недоверием, усматривая в ней желание царского правительства избежать расходов на перевооружение русской армии. Немецкий кайзер Вильгельм II поспешил заявить, что он и «впредь будет полагаться только на Бога и на свой острый меч». Французские газеты с раздражением указывали, что даже частичное разоружение сделает французскую границу с Германией еще более незащищенной. Англия выражала согласие на ограничение любых сухопутных вооружений, но отказывалась пожертвовать хотя бы одной пушкой на борту самого старого из своих кораблей.

В результате, когда, благодаря настойчивости русской стороны, конференция все же открылась, граф Муравьев с сожалением констатировал, что к тому времени «многие государства приступили к новым вооружениям, стараясь в еще большей мере развить свои военные силы».

Местом созыва конференции была избрана Гаага, столица нейтральной Голландии. Приглашение участвовать в ней приняли все двадцать тогдашних европейских государств⁷, четыре азиатских (Китай, Япония, Персия, Сиам) и два американских (Соединенные Штаты, Мексика).

Гаагская мирная конференция заседала с 18 мая по 29 июля 1899 года под председательством русского посла в Лондоне, барона Егора Егоровича Стааля. Журналисты на заседания допущены не были, поэтому публике приходилось довольствоваться официальными заявлениями о ходе ее работы. Предложение представителей России не увеличивать в течение пяти лет военные бюджеты и численный состав армий не встретило поддержки делегатов Германии и Австро-Венгрии. Германский представитель заявил: «Я не думаю, что все нации угнетены бременем вооружений.

⁶ Автор нашумевшего романа «Долой оружие!» («Die Waffen nieder!», 1889), рассказывающего о судьбе молодой женщины, чья жизнь была искалечена европейскими войнами 60-х гг. XIX в. Эта книга выдвинула Бертю фон Зутнер в первые ряды борцов за мир.

⁷ Италия настояла на том, чтобы римскому Папе приглашения послано не было; Болгария, формально все еще зависимая от Турции, по настоянию последней была допущена без права голоса.

В Германии население не склоняется под гнетом налогообложения; оно не чувствует себя находящимся на краю пропасти; оно не устремилось к краху. Напротив, богатство, довольство и уровень жизни никогда не были выше. Служба в армии не является бременем – это патриотический долг, и ей Германия обязана, во-первых, своим существованием, во-вторых, своей безопасностью и процветанием». Зато был принят целый ряд конвенций, в том числе конвенция, разработанная русским депутатом профессором Мартенсом, о мирном разрешении международных споров путем посредничества и третейского разбирательства (она легла в основу деятельности Международного Гаагского суда). Кроме того, участники конференции наложили запрет на метание бомб с воздушных шаров, применение снарядов, начиненных удушающими газами, и использование разрывных пуль «дум-дум».

Делегаты Гаагской конференции 1899 года

Даже в таком виде решения Гаагской конференции казались революцией в международных отношениях. Среди многих ее участников царил неподдельный энтузиазм. Так, один из членов американской делегации заявил, что создание Международного суда «определенно избавит народы от постоянного страха перед внезапным возникновением новой войны...».

Страхи, впрочем, никуда не исчезли. Тема возможной войны между европейскими державами не сходила с газетных страниц, несмотря на то, что политики вслух говорили только о мире. Однако немногие люди, говорившие о войне, имели четкое представление о том, когда и почему она начнется, и совсем уж мало кто мог сказать, когда и чем она закончится.

II

Как водится, впоследствии выяснилось, что в разных европейских странах были ясновидцы, в той или иной форме предсказавшие катастрофу. Одни из них, – такие как Митар Тарабич, неграмотный сербский крестьянин, умерший в 1899 году, – изрекли свои темные речения задолго до выстрела в Сараево. Другие забеспокоились накануне рокового августа 1914 года. Финский прорицатель Антон Йохансон, сын небогатых фермеров, прославившийся пророческими видениями, в 1913 году собирался поехать в Берлин, чтобы предупредить кайзера о предстоящей войне, которая, как он был уверен, начнется в следующем году и закончится капитуляцией Германии.

Самой известной парижской гадалкой в начале XX века была мадам де Тэб⁸, которую ее почитатели называли «сивиллой нашего времени». Ей приписывали неоднократные предупреждения о грядущей европейской войне. Последние пророчества в этом духе раздались из ее уст в 1913 году, когда она предсказала, что надвигающаяся война положит конец давнему господству Германии в Европе, а кайзер Вильгельм II отречется от престола.

Успех подобного рода предсказателей, по-видимому, заключается в том, что они умеют чувствовать и озвучивать разлитые в воздухе страхи и ожидания масс.

Некоторые политики, военные и мыслители, со своей стороны, сделали не менее точные прогнозы, опиравшиеся на рациональные основания.

Блестящий почин здесь принадлежит, безусловно, авторам «Коммунистического манифеста», которые в 1870–1880-х годах прозорливо очертили политические, военные, экономические и социальные контуры будущего европейского конфликта. 1 сентября 1870 года, накануне поражения Франции под Седаном, Маркс писал: «Теперешняя война... с такой же необходимостью ведет к войне между Германией и Россией, с какой война 1866 г. (между Пруссией и Австро-Венгрией. – С. Ц.) привела к войне между Пруссией и Францией... Кроме того, такая война № 2 будет повивальной бабкой неизбежной в России социальной революции». Предостерегая германские власти от аннексии Эльзаса и Лотарингии, Маркс подчеркивал, что бездумная политика завоеваний принудит Францию «броситься в объятия России», а это, в свою очередь, приведет Германию к новой войне «против объединенных славянской и романской рас».

Энгельс, много занимавшийся военными вопросами, 15 декабря

⁸ Настоящее имя – Анна-Виктория Савари.

1887 года записал открывшуюся ему грозную картину нового Апокалипсиса: «Для Пруссии-Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это будет война невиданного ранее размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут души друг друга и объедать при этом всю Европу. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, но сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространённое на весь континент, голод, путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите, крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, – крах такой, что короны дюжинами валяются на мостовой. Такова перспектива, если доведенная до крайности система конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи привела ваша мудрость старую Европу».

И годом спустя:

«...если действительно дойдет до войны... то на французской границе будет затяжная война с переменным успехом, а на русской границе – наступательная война со взятием польских крепостей и революция в Петербурге, в результате которой перед господами, ведущими войну, все предстанет в совершенно ином свете. Одно можно сказать наверняка: не будет ни быстрой развязки, ни триумфальных походов на Берлин или Париж».

Виднейший представитель «мудрости старой Европы» князь Отто фон Бисмарк под конец жизни разразился вещими афоризмами: «Какая-нибудь проклятая глупость на Балканах явится искрой новой войны»; «война между Германией и Россией – величайшая глупость. Именно поэтому она обязательно случится».

Подобным же приступам пророческого пессимизма был подвержен один из его преемников, канцлер Бернгард фон Бюлов. По его мнению, высказанному в 1905 году, «если Россия объединится с Англией, это будет означать открытие направленного против нас фронта, что в ближайшем обозримом будущем приведет к большому международному военному конфликту.... Увы, скорее всего Германия потерпит поражение, и все кончится триумфом революции».

В том же году, на военном совещании с участием кайзера Вильгельма II, будущий начальник Генерального штаба генерал Мольтке-младший (племянник и тезка знаменитого прусского фельдмаршала Мольтке-старшего) доложил о том, как он представляет себе будущую войну: победа определится не в скоротечной схватке; борьба будет долгой и закончится лишь тогда, когда у одной из сторон иссякнут все ресурсы; впрочем, и победи-

тель будет истощен до предела.

Повзрослевший Черчилль в 1912 году держался уже другого мнения относительно ближайшего будущего белой расы, чем семнадцать лет назад: «Это непрерывное вооружение вперегонки должно в течение ближайших двух лет привести к войне».

Среди русских государственных деятелей дар прозорливости обнаружили оба главных «архитекторов великой России» – Витте и Столыпин. Граф Сергей Юльевич Витте еще во время подписания Портсмутского мира 1905 года предсказывал, что следующая война для России обернется ее политической катастрофой.

Петр Аркадьевич Столыпин незадолго до своей гибели писал русскому послу в Париже Александру Петровичу Извольскому: «Нам необходим мир. Война, особенно в том случае, если ее цели будут непонятны народу, станет фатальной для России и династии. Кроме того, и это еще важнее, Россия растет год от года, развивается самосознание народа и общественное мнение. Нельзя сбрасывать со счетов и наши парламентские установления. Как бы они ни были несовершенны, их влияние тем не менее вызвало радикальные изменения в России, и когда придет время, страна встретит врага с полным осознанием своей ответственности. Россия выстоит и одержит победу только в народной войне».

Но самый замечательный документ в этом роде был написан министром внутренних дел Петром Николаевичем Дурново. В феврале 1914 года он составил записку на имя Государя, где буквально по пунктам было предсказано все, что случилось в последующие годы. Предсказаны война и конфигурация держав: с одной стороны, Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария, с другой – страны Антанты: Англия, Россия, Франция, Италия, Сербия, Япония, США. Совершенно точно предсказан ход войны и ее влияние на внутреннее положение в России: «Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики... Не подлежит сомнению, что война потребует расходов, превышающих ограниченные финансовые ресурсы России. Придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, а он будет оказан не даром».

Россия не готова к войне с Германией, поэтому кончится все, по убеждению Петра Николаевича, очень плохо: революцией в обеих империях, причем русская революция неизбежно примет характер революции социальной, в самой радикальной форме: «...Начнется с того, что все неудачи будут

приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка». Государственная дума, либеральные партии будут сметены, и начнется небывалая анархия, результат которой невозможно предугадать⁹.

Записка Дурново осталась без последствий.

Нет ничего удивительного в том, что к этим голосам не прислушались. Провода пророков выясняется лишь задним числом. Несбывшиеся предсказания лишены смысла. Верные пророчества бесполезны именно потому, что они сбываются.

⁹ Записка П.Н. Дурново была опубликована уже после войны в советских и эмигрантских изданиях. Некоторые историки ставят подлинность этого документа под сомнение. М. Алданов по этому поводу пишет: «Когда я впервые прочел этот документ, у меня, не скрываю, возникло сомнение: уж не апокриф ли это? Правда, большевики, когда дело не касается их собственной партии... обычно публикуют исторические документы честно, то есть без фальсификации. Кроме того, и главное, большевики не могли ни в малейшей степени быть заинтересованы в том, чтобы ложным образом приписывать замечательные политические предсказания реакционному сановнику старого строя. И тем не менее некоторое сомнение у меня возникло: уж слишком удачны были все предсказания Дурново – повторяю, я не знаю другого такого верного предсказания в истории. Ввиду этого я обратился к некоторым жившим в эмиграции старым сановникам, которые по своему служебному положению в 1914 году или по личным связям должны были бы знать о записках, подававшихся императору Николаю II. Я получил подтверждение, что записка Дурново не апокриф: она действительно была подана в оригинале царю в феврале 1914 года, а в копиях двум или, быть может, трем виднейшим министрам того времени. Один из сановников, по случайности живший в 1914 году в том же доме, что и Дурново, и часто с ним видевшийся (хотя по службе и по взглядам они не были близки друг другу), сообщил мне также, что взгляды, изложенные в записке, Дурново излагал ему в беседах еще в 1913 году, если не раньше. Таким образом, никаких сомнений в подлинности записки быть не может».

III

Редко какое историческое событие документировано с такой тщательностью и полнотой, как июльский кризис 1914 года, спровоцировавший роковой обмен ультиматумами между Центральными державами (Германией и Австро-Венгрией) и государствами Антанты.

Тем не менее, уже главные действующие лица европейской драмы затруднялись назвать причины, по которым Европа была ввергнута в четырехлетний кошмар истребительной войны. В августе 1914 года, вскоре после вступления Германии в войну, состоялся памятный разговор между бывшим германским канцлером Бернгардом фон Бюловым и его преемником Теобальдом фон Бетман-Гольвегом. Бюлов спросил: «Как же это случилось?», и получил обескураживающий ответ: «Ах, если бы знать!»

С тех пор любого, кто знакомится с тоннами мемуарной и исторической литературы, посвященной началу Великой войны, не оставляет ощущение абсурда. Ни у одной из стран, развязавших конфликт, не было ни малейшей разумной причины бряцать оружием. Государственные мужи великих держав действовали, словно герои пьес Ионеску. Американский президент Вудро Вильсон подытожил недоумение своих современников в следующих словах: «Все ищут и не находят причину, по которой началась война. Их попытки тщетны, причину они не найдут. Война началась не по одной какой-то причине, война началась по всем причинам сразу».

Однако и он тоже ошибался, по крайней мере, в формулировке. Эту мысль гораздо лучше выразил русский философ Лев Платонович Карсавин, сказавший, что сама постановка проблемы причинности Первой мировой войны, как, впрочем, и любого другого исторического события, ненаучна по существу («Философия истории», 1923). Историческое исследование должно быть направлено не на отыскивание подлинных или мнимых корней явления, которые все равно никогда не могут быть изучены во всей полноте, а на изучение потока событий в их целокупности.

Действительно, несмотря на вот уже почти столетние усилия, историкам так и не удалось выявить ни экономической, ни политической подоплеки войны.

Экономическое соперничество Англии и Германии (и в меньшей степени – других крупных европейских держав) бросалось в глаза задолго до августа 1914 года. Согласно общепринятому мнению, в основе которого лежало хорошо разработанное последователями Маркса учение о неизбежности

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru